Марина Ветрова ✦ Камила Левитан
Измена мужа.
Ты выгнал меня из дома,
а шейх сделал хозяйкой дворца!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты выгнал меня из дома, а шейх сделал хозяйкой дворца!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты выгнал меня из дома, а шейх сделал хозяйкой дворца! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Десять лет я любила мужа и верила, что мы вместе навсегда. А потом застала его любовницу в своём халате.Оказалось, Дима променял меня на карьеру: женится на дочери влиятельного человека и получит долгожданное кресло командира.Мне оставили собранный чемодан и сменили замки.Я решила спасаться привычным способом — работой в небе.Но на борту частного самолёта меня ждал единственный пассажир: Халид, которого я знала ещё бедным студентом.Теперь он богатый шейх.И он не забыл ту девушку, что восемь лет назад делила с ним горький кофе.Почему он искал меня все эти годы?И смогу ли я снова довериться любви?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой халат 5
Глава 2. Пассажир из снежной Москвы 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Камила Левитан Измена мужа. Ты выгнал меня из дома, а шейх сделал хозяйкой дворца!

Глава 1. Чужой халат

Часы для него купила в той самой мастерской на Тверской, где ремесленники гравируют по латуни под старину. Десять лет мы были вместе, восемь жили под одной крышей, и за это время успела выучить: Дима мечтает о часах с гравировкой «Первый самостоятельный». Погоны командира — вот чем он дышал, вот о чём говорил за ужином, за воскресной уборкой, в постели, засыпая у меня на плече.

Везла свёрток в бархатной коробке через всю Москву и прижимала к животу, оберегая от чужих локтей. В метро на меня косились — взрослая женщина, в форме, улыбается сама себе, — а сдержать улыбку всё равно не удавалось: вот он развернёт коробку, замрёт и выдохнет «Вер-р-р», растягивая моё имя на три вдоха.

Дверь нашей квартиры — моей, между прочим, купленной, пока Дима «набирал налёт», — оказалась приоткрыта. Между косяком и полотном чернела узкая щель. Из щели тянуло чужими духами: что-то сладкое, ванильное, не моё. Мой дом пах, как отдел женских духов в переходе. Секунд десять простояла в подъезде с подарком и уговаривала себя: от соседей натянуло, через вентиляцию, да мало ли откуда.

Толкнула дверь плечом. Сумка с подарком соскользнула с запястья при первом же взгляде в коридор. Бархатная коробка ударилась о пол тупо, беззвонко — и где-то внутри у меня что-то стукнуло так же.

В моей прихожей, на моей вешалке, висело пальто цвета спелого персика. В моей ванной шумела вода. На коврике в ванной, видном сквозь распахнутую дверь, лежала чужая мочалка, цветная, с бахромой. А по коридору, живая, домашняя, в моём халате — в белом с серыми котами, в том самом, который мама привезла из Пензы и который я надевала только по воскресеньям, когда мы с Димой делали уборку под старые песни, — шла Карина Соболева. Волосы у неё были собраны в пучок моим незамысловатым крабиком, на ногах — мои тапочки.

— Ой. — Карина остановилась и поправила пояс халата. Испуга на лице и следа не было. Короткое «ой», как в магазине, где кончился нужный размер.

Вода в ванной смолкла. Дима вышел из неё босый, с полотенцем на шее, и мокрые следы его ступней на кафеле вдруг заслонили всё остальное. Воздух вышел из груди до последнего глотка; пришлось выпрямиться, упереться каблуками в пол и дышать коротко, лишь бы удержаться на ногах.

— Вер. — Он перекинул полотенце на другое плечо и остановился передо мной. Вот что оказалось страшнее всего — эта его готовность к разговору. Лицо спокойное, слова заготовлены. Таким тоном он объявлял задержку рейса. — Ты рано. Я думал, до вечера.

— Рано. — Стиснула ремень сумки, подняла подбородок. Голос держался вопреки дрожи внутри. — Я летела через полгорода, чтобы вручить тебе подарок.

Карина усмехнулась и потёрла ладонью рукав — мой рукав, мой халат. Крабик в её волосах блеснул. Мой крабик. Я купила его за сто пятьдесят рублей в «Фикс Прайсе», а на её голове дешёвая заколка вдруг сделалась свидетельством: здесь уже успели обжиться.

— Вероника, давай без сцен. Здесь всё по-взрослому уже решено.

— Карина. — Дима поморщился и мотнул головой в сторону кухни; в этом оклике слышалось «не так», хотя хотелось услышать «уйди».

— Дай людям поговорить, — Карина сделала шаг мимо меня, легко, почти касаясь плечом, и добавила уже в коридоре, не оборачиваясь: — Полотенца в шкафу кончились, Дим. Твои серые в стирке.

Мои серые полотенца, в моей стирке. Карина направилась к кухне, а сдвинуться с места всё ещё не получалось: домашнюю жизнь уже поделили, пока хозяйка возвращалась с подарком.

Наклонилась за сумкой и убрала выпавшую коробку внутрь. Десять лет бизнес-авиации приучили: подбери упавшее, расправь плечи, оставь панику за дверью служебного отсека, пассажиры её видеть не должны.

— Гравировку не выбивай. — Вынула коробку и протянула ему. — Вернёшь в магазин.

— Вероника, сядь, пожалуйста. — Дима провёл полотенцем по шее. — Давай по-человечески. Ты же взрослая женщина.

— Я стою в собственной прихожей, Дима. Куда мне ещё садиться — на чужой чемодан?

Чемодан стоял тут же, бросаясь в глаза, как чужой халат: чёрный, на колёсиках, мой. Уже собранный, с застёгнутой молнией. Аккуратно, по всем правилам — тяжёлое вниз, лёгкое сверху. Дима укладывал наши вещи даже лучше меня, его сборку всегда можно было узнать.

— Восемь лет думала, это нежность, твои сборы. — Коснулась чемодана, потянула к себе. — А теперь ты упаковал меня, придвинул к выходу. Освободил место другой.

— Замки уже поменяли. — Кивнув на дверь, он переложил коробку. Всё так же деловито, в лоб. — Ключи у Карины. Тебе остаётся подписать документы, я оставил на кухне. Квартира остаётся за тобой, я не претендую, ты же знаешь, я не из-за этого.

— А из-за чего?

Карина дошла до кухни, по-хозяйски шлёпая моими тапочками, и мы с Димой остались в коридоре, под нашей фотографией с Сейшел: два загара, две белые улыбки, восемь лет назад. Я тогда ещё боялась летать с пересадками, и он держал меня за руку в аэропорту пересадки и говорил: «Вер, мы всегда будем летать вместе». Летать вместе.

— Из-за кресла. — Дима поставил подарок на тумбу и отодвинул чемодан. — Командирские погоны, Вер. Я десять лет второй пилот. Второй. Ты знаешь, что это значит — каждый день сидеть справа и смотреть, как кто-то другой держит штурвал. — Он говорил всё быстрее, разогреваясь, привычным голосом, голосом, каким он годами рассказывал мне об этом за ужином, и уже привычно кивнула в сочувствие; пришлось выпрямить шею, прекратить это. — Соболев мне обещал. Но с условием. — Он замолчал. Впервые за весь разговор у него дрогнули губы. — Карина. Он отдаёт мне кресло, только если я женюсь на Карине.

В наступившей тишине отчётливо звякнула чашка на кухне. Моя чашка. Из моего сервиза.

— И ты согласился. — Отступила, упёршись спиной в стену.

— Вер...

— Ответь. Словом. Ты согласился?

— Я лётчик. — Он потянулся к моему плечу, но тут же отдёрнул руку. Вот и ответ. — Мне тридцать три. Через пять лет будет поздно.

— А я что, помеха? — Оттолкнулась от стены, встала напротив. — Скажи прямо, хотя бы раз. Даже самое плохое объявление лучше этой неизвестности. Я мешала твоим погонам все десять лет? Каждый вечер за ужином — мешала?

— Ты не мешала, — он отвёл глаза и посмотрел на полотенце в своих руках. — Ты просто была не решением.

— Я была квартирой. — Подхватила сумку и отстранилась от него. — И графиком, который никто не двигал. Удобно, когда у одного в семье небо, а у другого тыл.

Он промолчал. И это молчание запомнилось крепче всех его оправданий.

Кивнула, принимая и этот ответ. Где-то теперь полагалось плакать — десять лет вместе, восемь под одной крышей, — а глаза лишь жгло от сухости. Это правило выучила раньше, чем научилась расстёгивать жилет одним движением: стюардесса не плачет на борту. А эта квартира последний год была бортом — пахла керосином его командировок, гудела его будильниками в четыре утра. Не здесь. Не на борту.

— Документы на кухне, — повторил он. — Распишись, пожалуйста. И ключи оставь.

— Замки сменили. — Достала связку и сняла ключ от подъезда. — О каких ключах речь?

— Для порядка.

Карина выглянула из кухни, уже с бутылкой воды — из моего запаса в холодильнике, закупленного на неделю вперёд, творог, кстати, тоже мой, — открутила крышку и обратилась ко мне ласково, почти по-сестрински:

— Вероника, не принимайте так близко. Это же небо. Тут никто никому ничего не должен.

— Тут как раз всем всё должно. — Положила ключ на тумбу и обошла Карину. — Банку — кредит, семье — время, экипажу — дисциплину. Так что вы с Димой, Кариночка, редкие счастливые люди.

Прошла на кухню. Стол был чистый — ах, конечно, чистый, она вытерла его моим полотенцем, — на нём лежала папка: синяя, аккуратная, с наклейкой «Личные документы». Наклейку он распечатал на принтере. Шрифт с закорючками. Он всегда любил, чтобы всё было красиво. Ручка лежала сверху, моя ручка, из моего ящика, та самая, которой я подписывала годовые отчёты.

— Договор, соглашение о разделе. Согласие на выписку... — Сняла ручку с папки, перелистнула бумаги и вернулась к началу. — Меня ещё и выписать собрались?

— Мне нужен чемодан. — Отодвинула папку от себя и положила рядом сумку. — Остальное потом.

— Чемодан твой, он же твой. — Дима подкатил его ко мне и вытянул ручку. — Карина, отдай ей куртку из шкафа. Вер, я закажу тебе такси.

— Не надо. Я лётный состав. Мне положен трансфер.

Доложила в чемодан свои вещи, которые нашлись в моей половине шкафа, забрала с полки паспорт и лицензию, документ на квартиру оставила лежать. Подпись под соглашением так и осталась пустой строкой. Взяла ручку, стиснула, а пальцы тут же онемели. Три секунды держала её над бумагой, цепенея, хотя десять лет исправно заполняла бортжурналы. Тошнота опередила слова отказа. Положила ручку, потянула чемодан к выходу. На пороге обернулась. Карина стояла у мойки и мыла мою любимую кружку — ту, с надписью «Лучший экипаж», — и сушила её своим полотенцем. От этого домашнего движения заныло под ложечкой: любимая кружка стала чужой.

— Удачи. — Обвела их взглядом и вышла. Голос звучал устало. Так прощаются с экипажем после тяжёлого рейса.

В лифте достала телефон и открыла смену графиков. Всё по-честному: у меня был резерв, значит, могли дёрнуть в любой момент. Набрала диспетчера и прижала телефон к уху.

— Гусева. Что есть из срочного?

— О, Вер! Есть бомба, берёшь? Срочный чартер, Москва — Эмираты, вылет через четыре часа, маленький борт, один пассажир. Претензий по допускам нет, ты в списке согласованных. Двойная ставка, суточные по-максимуму.

— Беру.

— Вот и молодец. Слышь, Вер... — диспетчер замялась. — Ты чего такая спокойная? Обычно ты сначала ругаешься.

— Не на борту. — Отключила вызов, всё ещё прижимая телефон к щеке.

В аэропорту прошла досмотр, надела свежую форму из запасной смены в шкафчике, собрала волосы и подошла к зеркалу служебной комнаты.

Только имя единственного пассажира диспетчер так и не назвала.

Глава 2. Пассажир из снежной Москвы

В зеркале проверила себя: усталые глаза, прямой хвост, ровные пуговицы. Никто бы не сказал, что два часа назад у этой женщины сменили замки в её собственной квартире. Поправила петлицы, сказала отражению «привет, красотка» — Гелино выражение, прилипло, — и вышла на предполётный осмотр. Борт встретил меня знакомым запахом гермокабины и кожей кресел. Погладила дверной косяк, здороваясь со старым напарником. Вот он, дом. Шестьдесят тонн, четыре двигателя и ни одного предателя.

Пассажирский список пришёл на планшет поверх открытой карты предполётного осмотра. Один пассажир. Мужчина. Без указания имени — просто строка: «ВИП, сопровождение по договорённости с принимающей стороной».

Приходилось спешить. Проверяла кислородные маски быстрее обычного, читала аварийные карточки наизусть, как читаю их всегда, — и когда на ступеньках появился он, встретила его у входа в салон с улыбкой приветствия, отработанной тысячу раз.

А потом улыбка умерла у меня на губах.

Этого человека знала. Узнала бы среди тысячи пассажиров, в любой толпе. Даже спустя восемь лет.

Вспомнилась тёмная подсобка в Москве, восемь лет назад: студент-практикант из Питера варил мне кофе в медной турке и извинялся, что горчит.

Восемь лет назад я была второй год в небе и жила на съёмной квартире с однокурсницей, а в нашу компанию на практику прислали троих студентов из Питера. Двое дулись и ждали конца смены. Третий — тонкий, черноглазый, с акцентом, который слышался только на длинных гласных, — носил кофе всем дежурным диспетчерам и варил его сам, в турке, на газовой горелке в подсобке. По персональной карточке он значился Халидом. Фамилия в российских бумагах сокращалась до чего-то невозможно короткого, и мы звали его просто — студент.

Он мыл за собой чашку, благодарил за каждую мелочь с таким серьёзным поклоном, что девчонки хохотали. Практиканты спрашивали: «А покажите кабину». Он спрашивал у меня: «А вам не тяжело стоять весь рейс?». Тогда ответила: «Ноги — расходный материал». Смутилась от его внимательного взгляда, рассмеялась и ушла в служебный отсек — впервые за год такая неловкость.

Той зимой Москву парализовал снегопад. Мы сидели в опустевшем офисе ожидания — мой рейс задержали на девять часов, за окном намело такие сугробы, что машины во дворе стали холмами, — и он варил мне кофе, потому что больше варить было некому. Все разошлись по домам, все, кроме него — у него не было права уйти из здания, и меня — у меня не было сил дойти до гостиницы.

— Горько? — Он заглянул в мою чашку и придвинул сахарницу поближе.

— Горько. — Обхватила тёплую чашку и поднесла к губам. — Но согревает.

— Тогда пейте. — Он убрал турку и погасил горелку. Тон серьёзный, как при важном решении. — Горькое согревает лучше сладкого.

— Это ты сейчас придумал или у вас дома так говорят?

— У нас говорят: путник и в горьком найдёт тепло, если идёт не один. — Он склонился к турке и улыбнулся. — Я упростил.

Достала из сумки бутерброд и разделила пополам.

— Ешь. Кофе на пустой желудок — плохой ужин.

— Спасибо. До стипендии ещё неделя. — Он взял половинку, откусил и смущённо улыбнулся.

Он опёрся на стол рядом со мной; на длинном смуглом пальце засохла капля кофе, а до моего запястья оставалось совсем чуть-чуть. Тогда мелькнула мысль: вот бы значить что-

нибудь для такого человека. А потом его отозвали, пришлось улететь, и следующие восемь лет прошли под одной крышей с Димой, мечтавшим о чужих погонах.

Теперь этот студент входил в салон. За восемь лет он повзрослел. Он стал тем, кем его сделали годы и деньги — тяжёлые часы, костюм, который сидит так, как сидит только костюм дороже моей годовой зарплаты. И осанка. Он шёл по салону, как человек, которому этот салон принадлежит. Вполне возможно, так и было.

— Добро пожаловать на борт. — Отступила, приглашая в салон. Голос, к счастью, выдержал. — Наш полёт займёт пять часов двадцать минут.

Он остановился в двух шагах от меня. Карие глаза — те же, — но взгляд теперь был не студенческий. Под его пристальным взглядом вдруг стал тесен воротничок.

— Гусева. — Он скользнул взглядом по бейджу, поднял глаза к моему лицу. Фамилия прозвучала утвердительно. Он помнил меня, надпись служила лишь предлогом.

— Старший бортпроводник Вероника Гусева. Вы всё помните про кислородные маски, я уверена.

Уголок его рта дрогнул.

— Вы всё ещё горький кофе пьёте? — Он опустился в кресло и положил телефон рядом, на боковую панель.

— Предпочитаю сладкий чай. — Расправила перекрученный ремень, подала ему пряжку — привычка. — Пристегнитесь, пожалуйста.

— Как скажете. — Он защёлкнул пряжку и откинулся. Такая лёгкая уступка настораживала. У мужчин, привыкших распоряжаться, послушание порой пугает сильнее приказа.

Всю дорогу обслуживала его безупречно, удерживая внимание на работе. Между первой подачей и уборкой столика, когда снимала поднос, Халид следил за каждым движением; подняв глаза, сразу встретилась с тяжёлым, изучающим взглядом. Один раз он заговорил со мной. Погода его занимала мало.

— Вы не пьёте воду. Весь полёт.

— На борту я не пью. Работа.

— Кто вас так учил?

— Небо. — Унесла поднос, привалилась к стенке служебного отсека и отдышалась. Знакомое лицо. Знакомый голос с длинными гласными. Совпадение, Гусева. Мир огромен. Студенты вырастают и летают чартерами. Не создавай себе романтику на пустом месте, Гусева, у тебя и так день такой, что хватит на три биографии.

В Эмиратах у выхода ждали чёрные машины, люди в белых кандурах кланялись моему пассажиру, торопились принять его вещи. Встречали его, до меня им дела не было. Меня оттеснили в сторону; оставалось привычно взять чемодан и отправиться искать такси или гостиницу при аэровокзале — и тут он обернулся.

— Гусева едет со мной.

— Простите. — Шагнула вперёд, поставила чемодан между собой и машиной. — Но у меня завершён рейс. Меня отель устроит, завтра утром...

— Гусева едет со мной, — повторил он тем же тоном, каким говорят «уберите шасси».

Фарид — сухой человек в очках, начальник протокола, как я потом узнала, — тонко сжал губы.

— Шейх Халид, гостевые апартаменты не подготовлены для сопровождения...

— Готовьте. — Халид отвернулся от Фарида и открыл дверцу. Одно слово — и спор кончился. Фарид кивнул с похоронным видом.

Меня привезли во дворец. За воротами открылся огромный дом из светлого камня; встречающие распахивали тяжёлые двери, пропуская меня внутрь. Запах уда, густой, смолистый, и кофе с кардамоном откуда-то из глубины дома. Меня проводили в комнату — высокую, прохладную, с кроватью, на которой можно спать поперёк, и окном в сад, где фонтаны

шумели в темноте. На туалетном столике лежали халат, тапочки, расчёска — всё новое, всё моего размера. Моего размера. Посреди комнаты стало зябко: откуда у них даже размер обуви? Какая осведомлённость, прямо до мелочей. Слежка, отполированная до вежливости.

— Мне нужно связаться с диспетчером и узнать про обратный рейс. — Достала телефон и проверила сеть. — Борт, наверное, стоит на техобслуживании. Через два дня у меня смена.

Фарид выслушал всё это с лицом человека, выслушивающего жалобы на погоду.

— Ваш паспорт, Гусева-ханум, будет на хранении у меня. Это стандартная процедура для гостей дома. Ваш распорядок составлен. Телефон на время адаптации также будет у меня.

— Простите. — Отступила от столика и заговорила очень медленно. — У кого адаптация? У меня или у вас?

— У вас. — Фарид раскрыл папку и вынул расписание. — У нас всё в порядке.

— А если у меня завтра начнётся реальная смена? Меня будут искать.

— Никто не ищет тех, о ком позаботились. — Фарид выждал, пока отдам паспорт, затем потребовал телефон. Получив и его, вышел. Тяжёлая дверь захлопнулась; звук прокатился по всему дому.

Вечером мне принесли ужин — лепёшки, баранину, финики, чай в стакане с мятой, — и пришлось устроиться с тарелкой на краю огромной чужой кровати. После каждого кусочка возвращались всё те же мысли: где Дима, что делает Карина в моём халате, и почему меня, взрослую женщину с десятью годами неба за плечами, запирают во дворце, как гостью из девятнадцатого века. Баранина была восхитительная. Ела и злилась, что восхитительная, — хотелось, чтобы у похищения были хоть какие-то недостатки.

Телефон унесли вместе с паспортом. На столике осталось только расписание. Обратному рейсу места в нём не нашлось.

Легла в одежде поверх покрывала и долго смотрела в потолок, где по карнизу ползла тень от фонтанной струи.

А потом заплакала. Тихо, без всхлипов, просто покатились слёзы в уши, в подушку, — только мокрый воротник подсказал, что уже плачу. Впервые за десять лет. Не на борту — на земле, в чужом дворце, в чужой стране, с одним чемоданом. Дима почти исчез из мыслей; среди ночи стало до боли ясно: оплакиваю собственную жизнь. Плачу за восемь лет ужинов, за кредит за его тип-рейтинг, за кружку «Лучший экипаж», которую она мыла своим полотенцем.

Села, вытерла лицо рукавом и обратилась к себе вслух, в пустую комнату:

— Дура. Стюардесса не плачет на борту.

— А здесь не борт. — Дверь открылась, и Халид остановился в проёме, пропуская вперёд свет из коридора.

Без пиджака, в белой рубашке, он оставался таким же чужим. Лицо серьёзное. Смотрел прямо на мои слёзы.

— Уходите. — Подтянула покрывало, заслонила мокрый воротник. — Вы не имели права меня сюда привозить.

— Имел. — Он шагнул в комнату, прикрыл дверь и остановился у столика. — Я заплатил за этот рейс. И за этот дом. И, если понадобится, за то, чтобы у вас был обратный рейс. Пока — не понадобится.

— Это называется «похищение». — Спустила ноги с кровати и упёрлась ступнями в прохладный пол. — В моей стране за такое сажают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.